

Evgeniy Guryev

(Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia),

Aleksandr Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

New publications on the history of the Second Defense of Sevastopol

DOI: 10.31857/S2949124X23030203, EDN: ETTZPI

Второй обороне Севастополя 1941–1942 гг. не повезло в историографии. Нельзя сказать, что о ней не писали. Посвящённые ей работы советских историков до сих пор не утратили своего значения. Среди них выделяется коллективный труд, созданный самими защитниками города, включая одного из их руководителей — А.Ф. Хренова¹. Не менее значимы монография видного участника тех событий П.А. Моргунова² и книга капитана I ранга А.В. Басова³.

Однако всё ещё нет фундаментальной обобщающей истории битвы, в которой были бы раскрыты не только собственно боевые действия, но и такие аспекты, как специфика принятия управленческих решений в условиях осады, повседневная жизнь и способы выживания горожан и т.п. Впрочем, она, безусловно, появится, судя по неослабевающему интересу к теме, то и дело выходящим серьёзным исследованиям⁴ и активной публикации документов⁵. Важным шагом на этом пути представляется издание в 2021–2022 гг. двух ценных сборников, подготовленных к печати В.В. Лебединским, А.В. Ефимовым и А.А. Коханом. Работавшие над этими томами московские историки — родом из Крыма и известны глубоким

знанием прошлого Севастополя, в котором начинали свою профессиональную деятельность.

В 2021 г. благодаря усилиям Лебединского, Ефимова и Кохана вышли в свет оперативные сводки, составлявшиеся, как правило, дважды в день офицерами-операторами Черноморского флота исключительно для служебного пользования — их сразу же направляли в штаб флота на Кавказ, а оттуда — в Ставку, наркому ВМФ адмиралу Н.Г. Кузнецову. Ранее они были засекречены и доступны лишь сотрудникам исторического отдела Главного штаба ВМФ. В частности, они использовались при работе над «Хроникой Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре»⁶, также имевшей гриф «секретно» (важную роль в её написании сыграл капитан административной службы В.М. Ковальчук, в конце 1930-х гг. окончивший исторический факультет Ленинградского государственного университета и ставший впоследствии одним из крупнейших исследователей блокады, заметно повлиявшим на формирование традиций петербургской научной школы).

Всего в книгу включено 625 документов, которые прежде не публиковались. Они содержат детальную ин-

* Оперативные сводки Штаба Черноморского флота, 1941–1942 гг. Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент., указатели А.В. Ефимова, А.А. Кохана, В.В. Лебединского. М.: Книгиздат, 2021. 528 с.; Отчёт по обороне Севастополя (ноябрь 1941 — июль 1942 г.). В 2 т. / Сост., вступ. ст., коммент., указатели А.В. Ефимова, А.А. Кохана, В.В. Лебединского. Т. 1. 222 с.; Т. 2. 274 с. М.: Институт востоковедения РАН, 2022.

формацию о характере и специфике боевых действий флота и войск Красной армии в ходе обороны Крыма с осени 1941 г. по 30 июня 1942 г., т.е. практически до последнего дня защиты Севастополя. В частности, в них отражены укрепление оборонительных линий на керченском и севастопольском направлениях, проведение Керченско-Феодосийской десантной операции 25–31 декабря 1941 г., противодействие июньскому наступлению немцев в 1942 г., меры по снабжению осаждённого города и усилению обороны Кавказского побережья. Наиболее подробно в сводках показана охрана водного района главной военно-морской базы: борьба с минами, работа ВВС, аварии и гибель самолётов, выход и прибытие кораблей, конвои и переходы, потери судов (с указанием приблизительных координат, что облегчает задачу поисковиков и идентификацию обнаруженных объектов), боевая жизнь Севастополя, Керчи и Азовской военной флотилии. Командованию сообщалось, например, о количестве листовок и газет «Красный Крым», сбрасывавшихся на удерживаемые ещё позиции, о качестве радиосвязи, загруженности госпиталей и числе скончавшихся за истекший промежуток времени бойцов. Особую ценность сводкам придаёт то, что в них фиксировались представления о *текущих событиях* и меняющейся обстановке хорошо информированных военных профессионалов высокого класса. Вместе с тем сборник, безусловно, характеризует стойкость и мужество героев Севастополя.

Не менее интересен и выпущенный Лебединским, Ефимовым и Коханом в 2022 г. двухтомный «Отчёт по обороне Севастополя (ноябрь 1941 — июль 1942 гг.)». Его подготовила вскоре после оставления города Комиссия по составлению краткого отчёта о Севастопольской обороне 1941–1942 гг.,

сформированная из высокопоставленных офицеров штабов Черноморского флота и Приморской армии, опиравшихся на имевшиеся в их распоряжении материалы частей и соединений. Представленный ими текст 12 октября 1942 г. одобрили командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и член его Военного совета дивизионный комиссар вице-адмирал Н.М. Кулаков. Это, безусловно, памятник эпохи, в котором изложена и аргументирована позиция лиц, отвечавших за защиту города и вынужденных после его оставления объяснять свои решения и анализировать допущенные ошибки.

Впоследствии, несмотря на закрытый характер документа, им неоднократно пользовались специалисты. А тот же Октябрьский в 1961 г. даже вносил в него чернильные и карандашные поправки (о чём комиссия под председательством вице-адмирала И.Д. Елисеева составила особый акт) (Т. 1, с. 7–8). Широкий круг читателей получил возможность ознакомиться с «Отчётом» только сейчас.

В данном источнике системно показано функционирование Севастопольского оборонительного района (также находившегося под командованием Октябрьского) в дни осады: приведены сведения о численности и боевом управлении его защитников, характеризуется соотношение сил сторон, говорится об инженерных сооружениях, противотанковых заграждениях, противодесантных мероприятиях, о ходе сражений и отражении первого и второго штурмов Севастополя, о координации и результатах действий флота, ВВС, артиллерии, ПВО, об обеспечении снабжения, коммуникаций и связи, о состоянии тыла, эвакуации раненых и гражданского населения и т.д. Вместе с тем в самом «Отчёте» отмечалось: «Огромный материал, имеемый по Севасто-

польской эпопее 1941–1942 гг., ждёт своих исследователей и писателей. Данный материал представляется в сыром виде, наспех составленный, и не может считаться полноценным, он даёт лишь общее представление, и то неполное, о знаменательной оброне» (Т. 1, с. 189).

К сожалению, в историографии Великой Отечественной войны до сих пор остаётся немало нераскрытых и, по сути, табуированных сюжетов. К их числу относятся и обстоятельства падения Севастополя летом 1942 г.

Незадолго до этого, когда положение стало почти безнадёжным, Ставка формально одобрила предложение Октябрьского об эвакуации из города *ответственных работников*. В итоге, по словам историка-краеведа И.С. Манюшина, «командование Черноморского флота бежало из города на самолёте, а для эвакуации командования сухопутных войск, партийных и советских руководителей предоставило две подводные лодки». При этом «оставленные на произвол судьбы защитники Севастополя сражались до последнего патрона»⁷. Неудивительно, что те немногие из десятков тысяч солдат, матросов и офицеров, кому удалось выжить, до самой смерти буквально ненавидели и проклинали командовавшего ими адмирала, видя в нём своего «злого гения». Как признавался в мемуарах бывший первый секретарь горкома партии и председатель комитета обороны Севастополя Б.А. Борисов, «мучила горечь, обида, *неловкость* (выделено нами. — Е.Г., А.П.) от того, что мы уходим, а в городе остаются ещё тысячи севастопольцев. Но иного выхода не было... Эвакуироваться на Большую землю всё равно удалось бы немногим»⁸.

Уверенность Октябрьского в предрешённости оставления крепости удивляла командиров. Начальник штаба Приморской армии (впослед-

ствии маршал Советского Союза) Н.И. Крылов свидетельствовал, что «само слово “эвакуация” прозвучало достаточно неожиданно». «Не знаю, — отмечал он, — был ли в моей службе другой приказ, которому я подчинился с таким тяжёлым чувством. Не понимал, почему должен уйти в числе первых. Мысль, что это, может быть, избавит меня от гибели, как-то не приносила облегчения. Да и, честно говоря, очень не хотелось лезть в подводную лодку. Не было никакой уверенности, что она дойдёт. А если погибать, так лучше уж на суше, на родной земле»⁹.

Покинувший город на транспортном самолёте вместе с Октябрьским Кулаков также утверждал, что «об эвакуации в Севастополе не только не говорили, но и не думали о ней, её не планировали, считали невозможной. И потому, когда я где-то в двадцатых числах июня стал понимать, что нам, севастопольцам, очевидно, не устоять, это сознавалось и как конец собственной жизни»¹⁰. По-видимому, и Октябрьский, и Кулаков воспринимали решение об отъезде из *всё ещё удерживаемого* города как необходимость, продиктованную условиями обстановки. «Тяжело было уходить, но другого выхода не оставалось», — писал Кулаков в первой версии своих мемуаров¹¹. «Когда в тот день, ещё не на заседании Военного совета, а наедине со мною, — рассказывал вице-адмирал позднее, — командующий заговорил о возможной эвакуации и, в частности, о том, что надо постараться сохранить *нужные армии и флоту кадры* (выделено нами. — Е.Г., А.П.), меня охватило — поскольку это касалось и меня — двойственное чувство. Конечно, война продолжалась, и войны, особенно командные кадры, прошедшие через огонь Одессы и пекло Севастополя, ещё какгодились бы на других участках фронта. Но приме-

нить эти доводы к самому себе оказывалось непросто. Потом убедился: так воспринимали это и другие — сама мысль о том, что *ты можешь или даже должен* (выделено нами. — Е.Г., А.П.) эвакуироваться из Севастополя, укладывалась в наших головах не сразу»¹².

Мемуарист оставил яркое описание бегства: «Переполненный “Дуглас” (Ли-2) — последний транспортный самолёт, взлетевший с Херсонесского аэродрома (нетранспортные, боевые улетели ещё раньше), — вёл старший лейтенант М.С. Скрыльников. Машина, стоявшая до вылета в капони́ре, прокатилась по земле среди разрывов снарядов и мин, в воздухе круто отвернула от возникшего впереди сплетения огненных трасс и нырнула в протянувшуюся над берегом полосу облаков. За нами не гнались, не преследовали нас вражеские истребители. Может быть, потому, что самолёт улетел со значительным интервалом после остальных. Мы с Ф.С. Октябрьским сидели на откидной скамье в хвосте машины. Рядом — член Военного совета Приморской армии М.Г. Кузнецов, начальник тыла армии А.П. Ермилов. За весь полёт никто не проронил ни слова. Сели на небольшом аэродроме вблизи Красnodара. Когда были выключены моторы, ошеломила царившая здесь тишина. Ни выстрелов, ни разрывов... Оглушённые этой непривычной тишиной, опьянённые свежестью раннего летнего утра, мы в первые минуты едва воспринимали то, что говорили встретивших нас товарищи»¹³.

В дальнейшем Кулаков снискал печальную славу «обвинителя» на позорном процессе по «адмиральскому делу» 1948 г., на котором судили Л.М. Галлера, В.А. Алафузова, Г.А. Степанова и Н.Г. Кузнецова. «Весь ход “дела” показывал, — вспоминал Николай Герасимович, — что не было сколько-нибудь серьёзных

правонарушений со стороны всех “обвиняемых”... До сих пор звучит в ушах голос обвинителя Н.М. Кулакова, который, уже называя нас всякими непристойными словами, требовал как можно более строго нас наказать»¹⁴.

Командующий Приморской армией генерал И.Е. Петров покидал войска в подавленном состоянии. Впечатления очевидца выразительно передал начальник оперативного отдела штаба армии генерал-майор А.И. Ковтун-Станкевич: «Звук боя всё ближе и ближе. Солдаты молча наступали перед Петровым. Петров шёл ровно, по-военному, но лицо было убитое, голова тряслась. Мы спустились к берегу. Здесь была давка. У причала была моторная шхуна, пробиралась к ней с трудом... Шхуна отвалила и пошла к подводной лодке»¹⁵.

Щекотливость ситуации сознавал и Кузнецов, явно искавший приемлемые формулировки для объяснения случившегося: «30 июня Ставка приняла решение оставить город. В ночь на 1 июля Военный совет Черноморского флота вылетел с единственного оставшегося в наших руках аэродрома около Херсонесского маяка в Новороссийск... Были ли приняты все меры для эвакуации? Этот вопрос мне приходилось слышать не раз. Вопрос о возможном оставлении Севастополя должен был стоять перед командованием флота, главнокомандованием Северо-Кавказского направления, которому Черноморский флот был оперативно подчинён, и Наркоматом ВМФ. Все эти инстанции обязаны были заботиться не только о борьбе до последней возможности, но и о вынужденном спешном отходе, если этого потребует обстановка. Эвакуация оставшихся войск после третьего штурма Севастополя ещё ждёт объективного, исторического анализа; сделать подробный анализ в рамках воспоминаний трудно»¹⁶.

Николай Герасимович полагал, что «об эвакуации войск, конечно, следовало подумать нам, в Наркомате ВМФ, подумать, не ожидая телеграммы из Севастополя. Никакая другая инстанция не должна была заботиться о защитниках Севастополя так, как Главный морской штаб под руководством наркома. Ни оперативное подчинение флота Северо-Кавказскому направлению, ни руководство Севастопольским оборонительным районом (через главкома направления или непосредственно со стороны Ставки) — ничто не освобождало от ответственности нас, флотских руководителей в Москве. И меньше всего следует упрекать в непредусмотрительности местное командование, которому была дана директива драться до последней возможности. Военные советы Черноморского флота и Приморской армии со своими штабами в обстановке напряжённых боёв не могли заранее заниматься разработкой плана эвакуации. Всё их внимание было сосредоточено на отражении атак врага. Больше внимания назревавшей эвакуации из Севастополя мог уделить и штаб главнокомандования направления, находившийся в Краснодаре. Когда 30 июня Ф.С. Октябрьский доложил о необходимости оставить Севастополь, нам в Москве представлялось, что борьба может продлиться ещё неделю—две. Но этот расчёт был неверен, мы переоценили силы и возможности обороняющихся. Прорыв противника с Северной стороны на Корабельную оказался для нас неожиданным. Както, уже позже, я разговаривал об этом с адмиралом И.С. Исаковым, который был в те дни заместителем главкома и членом Военного совета направления. Он откровенно сказал, что “если бы эвакуация была до деталей продумана и проведена раньше, возможно, удалось бы вывезти больше

людей”. Но это только предположение. Если бы мы, скажем, в середине июня 1942 года поставили перед Ставкой вопрос об эвакуации Севастополя и получили разрешение, что маловероятно, то в этом случае было бы вывезено больше людей и даже кое-какая техника. Но в таком грандиозном сражении, какое происходило за Севастополь, никто не мог предусмотреть, когда возникнет критическое положение. Приказ Ставки, весь ход войны, обстановка тех дней на фронтах требовали драться в Севастополе до последней возможности, а не думать об эвакуации. Иначе Севастополь не сыграл бы своей большой роли в борьбе за Кавказ и косвенно за Сталинград, армия Манштейна не понесла бы таких потерь и была бы переброшена раньше на новое важное направление»¹⁷.

В историографии данный эпизод оказался «приглажен». Заместитель Октябрьского по береговой обороне флота генерал П.А. Моргунов уверял, что «командование фронта, флота и Приморской армии принимали все меры, чтобы вывезти как можно больше защитников Севастополя, особенно раненых»¹⁸. А современные учёные ограничились констатацией того, что «эвакуация командования произвела тяжёлое впечатление на оставшихся защитников Севастополя»¹⁹. Между тем она породила хаос в управлении, ускорив падение города.

Очевидно, для всестороннего осмысления всех обстоятельств второй осады Севастополя потребуется ещё не одна публикация документов, не говоря уже о монографиях и статьях. Однако труд, проделанный В.В. Лебединским, А.В. Ефимовым и А.А. Коханом, существенно расширяет возможности исследователей и станет надёжной опорой для тех, кто погружается в изучение трагических событий 1941—1942 гг.

Примечания

¹ Ванеев Г.И., Ермаш С.Л., Малаховский Н.Д., Сахно С.Т., Хренов А.Ф. Героическая оборона Севастополя. 1941–1942. М., 1969. См. также: Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. В 2 кн. Киев, 1995.

² Моргунов П.А. Героический Севастополь. М., 1979.

³ Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987.

⁴ Нуждин О.И., Рузаев С.В. Битва за Севастополь. Последний штурм. М., 2015; Нуждин О.И., Рузаев С.В. Севастополь осенью 1941 года: хроника осаждённого города. Екатеринбург, 2017; Лубянов А.Н. Севастополь. Вторая оборона. Севастополь, 2019; Исаев А.В., Глухарёв Н.Н., Романько О.В., Хазанов Д.Б. Битва за Крым 1941–1944 гг. Изд. 2. М., 2021; Рузаев С.В. Деятельность органов власти города Севастополя в 1941–1942 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. См. также: Рудник С.Н. «Мы свой воинский долг выполнили до конца, пусть знают об этом люди!»: героическая трагедия обороны Севастополя в июне–июле 1942 года // Великая Отечественная война и проблемы советского общества, образования и науки. Материалы международной научной конференции 24 июня 2015 года. СПб., 2015. С. 37–47.

⁵ См., в частности: Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Сост. А.В. Исаев, Н.Н. Глухарёв, Д.Б. Хазанов. М., 2017; «Здесь

кровью полит каждый метр...»: Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг. Сборник документов / Сост. А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, Ж.Я. Рахаев, В.В. Тихонов. М.; СПб., 2020.

⁶ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1–6. М.; Л., 1945–1951.

⁷ Маношин И.С. Июль 1942 года. Падение Севастополя. М., 2009. С. 282.

⁸ Борисов Б.А. Школа жизни. М., 1971. С. 208.

⁹ Крылов Н.И. Огненный бастион. М., 1973. С. 413.

¹⁰ Кулаков Н.М. Доверено флоту. М., 1985. С. 315.

¹¹ Кулаков Н.М. 250 дней в огне. М., 1965. С. 119.

¹² Там же. С. 315.

¹³ Там же. С. 316–317.

¹⁴ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. Из записок адмирала. М., 1995. С. 25.

¹⁵ Ковтун-Станкевич А.И. Севастопольские дневники // Новый мир. 1963. № 8. С. 154.

¹⁶ Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 1975. С. 207–208.

¹⁷ Там же. С. 208–209.

¹⁸ Моргунов П.А. Героический Севастополь. С. 452.

¹⁹ Исаев А.В., Глухарёв Н.Н., Романько О.В., Хазанов Д.Б. Битва за Крым 1941–1944 гг. М., 2016. С. 467.